

ТЕАТР

АКТРИСА! В самом звуке этого слова есть что-то заворачивающее, пленительное, трагически-прекрасное...

Откуда-то из пушкинской дали доносится серебряный голос Варвары Асенковой, ее грациозные водеvilные корнеты и гарсы соседствовали с Эсмеральдой и Офелией. Ее жизнь освещена стремительным и гибельным пожаром: шесть лет служения на сцене, подумать только — всего шесть лет! Но за эти шесть лет-каждый вечер, готова две-три роли в неделю, очаровывая Петербург, она скидывает себя и умирает в двадцать четыре года от чахотки, добная сплетней, в которой так «натренировались» тогда в светских гостиницах. Еще бы, недавно они расправились с самим Пушкиным.

Актриса! Блеск зеркал, элегантность нарядов, сладо-стная власть над залом, праздник!

Все это так. Но, вот я вглядываюсь в портреты сущей, некрасивой безродной Пелагеи Антипьевны Стрепетовой, думаю о ее «горькой судьбине». В ней жил гений народный, а ее дважды «за ненадобностью» выпрыгивали из императорского театра. «Так меня загнала жизнь!» — писала она в одном из последних писем. И тут же рядом, в этом же письме, казалось бы, измученная театром, она заключает: «Работы надо, вот что!»

Без этого не понять актрисы! Пока актриса жива, она будет играть с температурой, с переломанной рукой, тайком сбегав из больницы в театр. Будет! Умирать от обиды, от жгучей зависти, если роль, что она так чувствует, так видит, отдали другой, — будет! Яростно спорить с театральным портным, художником, режиссером... Погибать от волнения на премьере, на сотом спектакле, стоя «на выходе», беззащитная перед залом, перед очередным экзаменом, который никогда не кончается, — будет. Каждый раз, в каждой роли, прославленная, любимая — все равно ученица...

...Есть актрисы хорошие, есть очень хорошие, пре-восходные, знаменитые... Но только соучастие во времени, умение рассказывать о нем людям рождает Ермолову, Комиссаржевскую, Дузе, Коонен...

Мария Федоровна Андреева! «Едва ли не самая красивая актриса русского театра... преданнейшая любительница еще «Кружка Алексея», занявшая потом первое положение в Художественном театре, она вдруг точно «нашла себя» в кипящем круге революции». Таково свидетельство Немировича-Данченко. В 1905-м, в том самом, на Воздвиженке, в квартире элегантнейшей из актрис Художественного театра хранились бомбы московских баррикад.

Несчастливцев в «Лесе», мечта об идеальной актрисе, говорил о буре страсти, об огне в глазах, о рыданиях, о музыке... Это, конечно, огромно и все же недостаточно. Великая актриса — это еще и позиция, битва за то, «во что веришь», «общая идея». Только тогда, когда она соединяется с бурей, с душой изыщной и сильной, наступает торжество актрисы.

...Передо мной на репетициях в Малом театре раскрывал свои тайны могучий талант Веры Николаевны Пашенной. Сверкала оборотистое мастерство Дарьи Васильевны Зеркаловой. Я люблю многих наших актрис — от М. Бабановой до Ю. Борисовой, от Л. Добжанской до Л. Сухарева, от Л. Малеванной до Г. Волчек, от И. Савиной до З. Славной. Прощаясь с Международным годом женщины, я хочу удерживать на бумаге беглые впечатления от самых последних ролей нескольких актрис, что оставили след в моем сердце. Однако — сперва — воспоминания.

ВЫШЛО так, что первым спектаклем, увиденным мною в Художественном театре, был чеховский «Вишневый сад», где еще играл Станиславский. Особенно ясно почему-то я запомнил финал первого акта: щебет птиц, подсвеченные солнцем занавеси на окнах, великана с добрыми глазами, который, дурачась, делал своими большими, но изящными пальцами «козу-дерезу», пытаясь рассмешить тонкую, в белом, девушку на диване, сладко засыпавшую с дороги. Аней из «Вишневого сада» была Ангелина Степанова. Там, рядом со Станиславским, она начинала тогда свой путь. Пройдет время, и в том же Чехове, в «Трех сестрах», в Ирине к юной энергии прибавятся горечь и нарастающий внутри

крик, а «Вишневый сад» обернется трагической эксцентриадой Шарлотты. Возникнет хоровод пародийных масок: княгиня Бетси в «Карениной», Бетси в «Плодах просвещения»... Жесткая графика актрисы.

Я вспоминаю дипломатический поединок А. Степановой в роли Чрезвычайного Посла Советского Союза (в пьесе она была Кольцово) с королем одной северной страны.

Кольцова, приняв предложенную королем игру в отточенные светские афоризмы, выигрывая ход за ходом, выиграла своего далеко не глупого партнера в целесообразности сотрудничества. Побеждали идея и женщина новой России! Актриса вела нас в мир судеб и характеров сложных. В ее вершинных созданиях неизменно интересовали сущность человека и та «роль», которую он играет в жизни.

Знаменитые Пат Кэмбелл и королева Англии Елизавета — в сущности, это были две актрисы, две комедиантки. Одна играла на сцене, другая — на просцениуме истории, одна под конец жизни едва сводила концы с концами, другая — раздавала замки фаворитам.

Подумайте! Из-за бриллиантов, версальских маскардов и пиров этой «австриячки» умирали от голода французские дети. Ее называл народ Францией. И что же? Она прелестна? Может быть, и вам жалко Антуанетту, чью лучезарную жестокость воспевали придворные поэты?

Вот Фрейндлих уселась на станок, покрытый соломой, прислонилась к спине актера, изображающего «стук копыт по мостовой». Уныло ударил колокол, и она тронулась в свой последний путь — к гильотине. Сен-Жюст, кажется, говорил, что она должна была «жить познавая». Она умирает, эта королева, так и не познавшая ни «своего» народа, ни своих преступлений.

СТРЕМЛЕНИЕ помочь, спасти не только человеческую жизнь, но исполнить, если возможно, самые причудливые желания человека, скажем, привезти землю с его родины, поставить памятник его любимой лошади, или еще что-нибудь в этом роде, составляет жизненную программу одной странной дамы, которую мы уже несколько лет знаем под именем миссис Сэвидж. Помните? Собственные дети поместили ее в сумасшедший дом за то, что она решила создать свой «фонд счастья». Познакомили нас с ней писатель Джон Патрик, удивительная актриса Фанна Раневская. Если я сейчас возвраща-

Победы. Его отблеск мы прочли на лице, которое сразу узнали и признали. То была Великая безвестная русская женщина, что везла в тыл станки в одном из военных эшелонов и нашла воплощение в естественном героизме, угаданном Аллой Покровской и ее подругами по «Эшелону» в «Современнике».

Рядом с ватниками, платками, с насмешливой в ночи бомбежек одеждой шуршали в этом году на сценических подмостках парижские туалеты Раневской из «Вишневого сада», Алла Демидова жила в роли в каком-то судорожном, «наркотическом» ритме, прикрывающем боль. И он, этот ритм, сотрясал в финале спектакль, и мы еще раз убеждались в том, на что способна так называемая «сдержанная» современная актерская школа.

В эту же пору металось на сцене прекрасное существо с «врублевскими» глазами, потонувшее в унынии уездной России (Сарра — Инна Чурикова в «Иванове»). И шла в прозрачной свадебной процессии несостоявшаяся невеста гоголевской «Женитьбы» Агафья Тихоновна — Ольга Яковлева.

красными. Какая нравственная сила, самостоятельность и несгибаемость! ...С младенческих лет нашей драмы у нас было немало пьес, носящих даже в названии своем современную женскую судьбу: «Ивга», «Виринея», «Таня», «Машенька», «Барабаница»... И какие роли! От Комиссара «Оптимистической» до Вальки-дешевки с Ангари... Продолжим этот список. Дело, разумеется, не в названии, а в сути. Призванные Временем и Талантом, к драматургам придут наши актрисы, придут, быть может, новые Асенковы, Стрепетовы и скажут, как недавно говорила в одном хорошем фильме, очень славная дебютантка: «Мне кто-то позвонил, — скажут они, — вот я и пришла!»

АКТРИСА! Я вспоминаю стоящую на сцене среди цветов в день своего восьмидесятилетия великую трагическую актрису Алису Коонен. В ее руках был тогда веер Ермоловой. Ермолова передала его Яблочниковой, Яблочкина — ей. Я не знаю, где он сейчас, этот ермоловский веер. Наверное, в музее. Может быть, мы увидим его скоро в руках одной из наших актрис...

Виктор КОМИССАРЖЕВСКИЙ

АКТРИСА

ПРЕКРАСНЫМ ЖЕНСКИМ ОБРАЗАМ, РОЛЯМ, СОЗДАННЫМ В МИНУВШЕМ ГОДУ АКТРИСАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ, ПОСВЯЩЕНЫ ЗАМЕТКИ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ РСФСР В. КОМИССАРЖЕВСКОГО.

И вот теперь, в этом сезоне — снова актриса. Этой ролью Степанова встречает свой артистический праздник. Творчество, «сладкоголосая птица юности» всегда жива, если живет искусство.

...Стареющая «суперзвезда» Александра дель Лаго, созданная Теннесси Уильямсом, в полной мере обладает теми сложными клубком как бы взаимоисключающих качеств, что так привлекают актрису. Недаром у звезды два имени — Александра и Принцесса Космополис! Последнее должно быть написано гигантскими элентрическими буквами на небе Бродвея! Оно так и пишется. А если оно потухнет? Проклятые годы! Ее «крупные планы» становятся ее «предателями» и «убийцами». Ей кажется, что ее последний фильм безнадежно провалился. Скорей в машину. Бежать! Куда? Не важно. Вся ее жизнь — бег! В любую минуту ты можешь полететь под откос, и черту. Кажется, это уже случилось! Скорей! Героин или что там... Кислород, скорей кислород!

Сейчас в этом проклятом городке на юге, в Сант-Клауде, где она остановилась, ей очень больно. Александра дель Лаго еще не знает, что ей суждено воскреснуть, ибо провала нет, есть триумф. Финальная сцена спектакля — виртуозный телефонный разговор с Нью-Йорком, где смещение поначалу прикрывается напизной интонацией «голливудской звезды». Затем неожиданное известие: триумф!

И первые человеческие слезы Степановой — Александры дель Лаго в спектакле...

ЗА ПОКОЛЕНИЕМ Степановой пришли другие поколения актрис. Алиса Фрейндлих. «Ковалева из провинции». Играла Фрейндлих. Я видел в Ленинграде этот спектакль, где хрупкая сероплазая женщина рассказывала зрителям, ничего не утаивая, один день своей жизни, день судьи, день трудного приговора, день своей любви, своей судьбы.

Областной прокурор, демагог и карьерист, видевший в каждом лишь потенциального преступника, обвинял Ковалеву в вынесении несправедливого решения, в незнании основ профессии, да еще к тому же в неблагоприятном поведении в жизни. «Неблаговидность» заключалась в том, что она, Ковалева, позволила себе появиться на катке в какой-то легкомысленной красной шапочке и, кажется, прошлым летом встретила на пароходе с одним знаменитым женатым хирургом и полюбила его. Нет нужды, что она старается сама убеждать от этой любви, и, быть может, напрасно. Судьба этого не полагается! Как бы чего не вышло. Что же касается «незнания основ», то оно кроется в том, что для Ковалевой самое «незначительное дело» сводится к чести и достоинству человеческого имени. Справедливость — нелегкое ремесло! В этом ее никто не разубедит. И Ковалева — Фрейндлих несет на себе этот каждодневный труд и подвиг профессии, хотя и плачет порой, когда невольно, совсем по-детски.

Какие оглушительные метаморфозы доступны этой актрисе! Почти ничего внешне не изменив в себе, она, накинув на плечи какую-то кружевную накидку и взяв в руки безделушку, стала в спектакле-концерте «Люди и страсти» королевой. Став ею, она, словно по провокации, натянутой под самым куполом цирка, пошла по пути острейшего решения.

лось к этой истории, то делая это потому, что у нее возникло не менее волнующее продолжение: в роли этой прекрасной дамы выступила Вера Марецкая.

...Изящная шляпка из черных птичьих перьев, чуть лиловатые седые волосы. Да, лиловатые. Если это ей идет, почему миссис Сэвидж не может их сделать такими?

Настороженные, темным огнем опаленные глаза, когда она входит на сцену: «Для кого этот дом?» Постепенное узнавание, лязг железных затворов, признания больных. Поняла! Замкнулась. Человек должен достойно и артистично переносить свои страдания — таков первый круг роли.

Второй акт проходит под знаком эксцентриады. Ну, хорошо же, она прочит своих наследников, занятых лишь поисками ее «золотого фонда».

Миссис Сэвидж пускает алчных свиней по ложному следу, и в глазах ее пляшут такие лукавые, озорные черты, что совершенно невозможно не узнать молодую Марецкую. «Сладкоголосая птица юности» снова поет в душе актрисы. У нее действительно есть свой «фонд счастья» — для тех, кому дорог театр.

СЛОЖНОСТЬ исследования стала сегодня одним из девизов советской актрисы. Вспомним хотя бы Пелагею — Славину в абрамовских «Деревянных конях» — какая сложность характера! Профессия у нее вроде бы невидная: печет хлеб в одном из северных сел. Молодость у нее была трудная, голодная — война! Вот и вцепилась она теперь в женские тряпки, мается с хворым мужем, угодничает перед начальством, боится за свое место у печи... Но вот встала она у печи этой, упали на нее отблески жаркого печного пламени — и как будто сгорели ее грехи. Дарющая хлеб! Похоронила мужа, дочь Альфа уехала в город, тоскует Пелагея... Последний, предсмертный монолог З. Славной исполнен этих, подвывшихся вдруг из глубины тоски, обиды и гордости, да, гордости за свои руки, за свой хлеб, что она пекла для людей, день за днем — всю жизнь.

Я оглядываюсь и вижу прекрасные лица актрис, подымающих светильники поэзии театра — поэзии лирической, трагической, гротесковой, но неизменно служившей делу жизни. Самым главным светильником этого года был Вечный огонь тридцатилетия

В. МАРЕЦКАЯ в спектакле «Странная миссис Сэвидж»

А. СТЕПАНОВА в спектакле «Сладкоголосая птица юности»

А. ФРЕЙНДЛИХ в спектакле «Ковалева из провинции»

Почему так хмуро движется эта процессия, скорее похоронная, чем свадебная? Да потому что здесь хоронят, отпевают любовь.

И такая свирепость кругом: какая-то химерическая, деловая кутерьма, хотя в ней и участвуют вроде бы одинокие и по-своему несчастные люди. «Мне стыдно», — шепчет она. Но никто не слышит этого шепота. Примериваются, трогают руками ее себенки: настоящие ли? Ее душа выберет Подколесина, и ему вроде кажется, что он ее выбрал. Но, «правда, такое затруднение — выбор». Вот он и выскочил в пустоту, в дырку, в ничто... А она, оскорбленная, брошенная, словно ненужная вещь, будет стоять в своем свадебном наряде, прислонившись к порталу, мертвая от позора и обиды, как Бесприданница. Был бы рядом Карандышев, подставила бы грудь под пулю...

На сцену, в жизнь стремительно входят сейчас новые актрисы...

Марина Неёлова! Она много сыграла за этот год в «Современнике». Даже шекспировскую Виолу в «Двенадцатой ночи». Но ее Виола пронеслась мимо меня, почти и не задев сердца. Я так и не понял, любила ли она Орсино. Но в чем смысл всех ее приключений и метаморфоз? Только в комединой неразберихе? А между тем с ее первого фильма, с «Монолог», стало очевидно, что Неёлова пришла в кино и театр как раз для того, чтобы сердца задевать, беспокоить, покорять и своей незащищенной доверчивостью, и заразительностью.

Вот почему она была так хороша в случайном как будто бы «вводе» в одну из «Четырех капель» В. Розова.

Мне запомнилась эта школьница с бледным и очень серьезным лицом, охрипшая от волнения перед решающим для нее разговором. Она пришла в кабинет орущего на своих подчиненных хама защищать достоинство своего отца. Мне запомнились ее длинные руки. Из неуклюжих они превращались в гордые и изящные, когда она говорила о вещах, которые ей казались пре-